

Секция «Международные организации и мировые политические процессы»

Использование инструментов «мягкой силы» в современной внешней политике России: контуры проблемных полей

Научный руководитель – Кочетков Владимир Викторович

Авдеев Богдан Алексеевич

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет мировой политики, Москва, Россия

E-mail: bogdanavdeew1999@yandex.ru

Актуальность настоящей работы обусловлена тем, что за последние три десятилетия все большее внимание исследователей в области международных отношений и мировой политики уделяется «квазисиловым» инструментам политического влияния, а на страницах научной литературы по данной тематике все чаще можно встретить понятие «мягкая сила». Учитывая восприимчивость российского академического сообщества к «идейным импульсам» с Запада, активизацию политики Кремля в так называемом ближнем зарубежье, неоднозначные итоги «цветных революций» начала 2000-х гг., стремление российского руководства к интеграции постсоветского пространства, концепция «мягкой силы» приобретает неотъемлемую роль в процессе реализации российских национальных интересов на международной арене. Впрочем, несмотря на огромный потенциал российской внешней культурной политики, Россия в этом направлении уступает по многим показателям своим ключевым геополитическим оппонентам. В этой связи целью настоящей работы является выявление сдерживающих факторов на пути реализации российской «мягкой силы» во внешнеполитическом поле. Предпринимается попытка рассмотреть основные проблемы использования Россией «мягкосиловых» активов с различных ракурсов.

Сформулированная в 1990 г. американским политологом Дж. Наем концепция «мягкой силы» спровоцировала скепсис со стороны многих исследователей, что, однако, не помешало представителям отечественного академического сообщества использовать новый термин для обозначения различных по своей сути явлений, таких как «национальный (страновой) брендинг», «национальная репутация», «национальный имидж» [3] и др. Кроме того, российские элиты чаще всего рассматривают «мягкую силу» одномерно, исходя из положений ресурсо-ориентированного подхода, который представляет силу в международных отношениях как имманентный ресурс или инструментарий для достижения национальных интересов [4].

Понятийная многозначность во многом обусловлена фрагментарностью нормативно-правовой базы, закладывающей основы российской политики «мягкой силы». Так, в своём исследовании С.С. Ширин показал, что подпрограмма 3 государственной программы «Внешнеполитическая деятельность» сама определяет концептуальные основы внешней культурной политики России на период с 2013 по 2020 г., не отменяя при этом ранее принятых документов, что приводит к дублированию юридических и политических актов и перегруженности нормативно-правового корпуса по рассматриваемой нами тематике [2].

Привлекательность, согласно Дж. Наю, является отправной точкой для «мягкой силы» государства, однако национальный имидж России в последнее время всё больше приобретает негативное измерение, что предпосылается тремя факторами: глубокой диспропорцией и непоследовательностью в применении инструментов «мягкой» и «жесткой» силы [4]; несоответствием между образом великой державы, проецируемым страной во вне, и кризисными тенденциями во внутренней политике и экономике государства [Там же]; активной пропагандистской деятельностью геополитических оппонентов России (США, ЕС)

и других международных игроков (КНР, Турция, Индия), направленной на продвижение собственных нематериальных активов на постсоветском пространстве и искажение образа России [5; 6].

Проблема фиксации негативного образа России усугубляется и тем, что в среде российских политических элит отсутствует ясное понимание идейной составляющей политики «мягкой силы» [6]. Россия не может предложить собственный «экспортный продукт» как альтернативу западной, исламской или китайской культурной модели, поскольку до сих пор не определилась с ценностными истоками своей национальной идентичности.

Следующим фактором, сдерживающим применение «мягкой силы» во внешней политике России, является постепенное сокращение численности российской диаспоры в Центральной Азии и русофонии в целом [1]. Например, в Туркменистане и Таджикистане почти не осталось русскоговорящих, а Казахстан переходит на латиницу [7]. Одним из методов вытеснения русского языка является также закрытие русскоязычных школ или классов [1].

При реализации «мягкой силы» на постсоветском пространстве поднимается целый пласт проблем, связанных с институциональным характером феномена. Инициация политики «мягкой силы» в России происходит, как правило, сверху вниз без крепкой опоры на институты гражданского общества [8], причем, даже неправительственные организации («Русский мир», Фонд имени Горчакова, «Русский век» и др.) учреждаются с лёгкой руки государства и имеют этатистский характер деятельности, что вызывает по отношению к последним стойко негативную реакцию со стороны местного населения [5]. Эффективность функционирования вышеуказанных организаций подрывается также уменьшением их финансирования за последнее десятилетие [1].

Итак, несмотря на значительный потенциал культурного влияния, Россия сталкивается с целым спектром проблем в процессе реализации «мягкой силы» на международной арене. Анализ проблемных полей позволил выявить «слабые места» российской внешней культурной политики, что способствует стимулированию экспертной дискуссии, направленной на поиск способов повышения эффективности использования нематериальных активов в российской внешнеполитической практике.

Источники и литература

- 1) Гелла Т. Н. Гуманитарное сотрудничество на постсоветском пространстве: проблемы и перспективы // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2019. No. 2. С. 63-71.
- 2) Ширин С. С. Концептуализация основных направлений внешней культурной политики России после 2013 года // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2016. No. 1. С. 134-150.
- 3) Юдин Н.В. Жесткий взгляд на «Мягкую силу». Критический анализ монографии Дж. Ная «Будущее власти» // Вестник Московского университета. 2014. No. 2. С. 136.
- 4) Rutland P., Kazantsev A. The limits of Russia's 'soft power' // Journal of Political Power. 2016. Vol. 9. No. 3. P. 395-413.
- 5) Sergunin A., Karabeshkin L. Understanding Russia's Soft Power Strategy // POLITICS. 2015. Vol. 35(3-4). P. 347-363.
- 6) Косачев К.И. Не рыбу, а удочку // Россия в глобальной политике. №. 4. 2012. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Ne-rybu-a-udochku-15642> (дата обращения: 23.02.2020)

- 7) Чеснаков А. «Русский мир»-2030: каким он будет // Россия в глобальной политике. 2018. №2. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Russkii-mir-2030-kakim-on-budet-19491> (дата обращения: 23.02.2020).
- 8) Nye, J. What China and Russia Don't Get about Soft Power // Foreign Policy. URL: <http://foreignpolicy.com/2013/04/29/whatchina-and-russia-dont-get-about-soft-power> (дата обращения: 23.02.2020).